

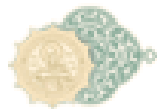
Западно-русскія дворянскія фамиліи, отпавшія отъ православія въ концѣ XVI и въ XVII вв.

Князья Чарторыйскіе.

Нѣсколько словъ о литературѣ предмета. Родостовная кн. Чарторыйскихъ. Памятники православія древнѣйшихъ поколѣній. Старшая линія—князья „на Чарторыйску“. Александръ Оедоровичъ. Михаилъ Александровичъ. Дѣти его—Михаилъ и Софія, послѣдніе ревнители православія; Юрій—уніатъ. Сынъ его Юрій и прекращеніе линіи. Линія кн. Чарторыйскихъ „на Клевани“. Родоначальникъ линіи Иванъ Оедоровичъ и жена его Анна Заславская. Дѣти ихъ Юрій, первый католикъ, и іезуиты; Елена послѣдняя ревнигельница „старожитной“ вѣры, и Пересосницкій монастырь. Дѣти Юрія Николай—Юрій *societatis Jesu amantissimus*. Конецъ Пересосницы. „Фесты“ и разгромъ. Забѣчаніе о дальнѣйшихъ поколѣніяхъ.

О князьяхъ Чарторыйскихъ, и собственно о лицахъ изъ тѣхъ поколѣній, которыя насъ интересуютъ, было высказано столько ошибокъ, спутанности, ни на чемъ не основанныхъ утвержденій, что нужно удивляться, какимъ образомъ все это можно умѣститься на тѣхъ немногихъ страницахъ, какія написаны объ этихъ князьяхъ какъ въ польской, такъ и въ русской литературѣ. Перепутывали генеалогію этихъ князей, изъ православныхъ дѣлали католиковъ, изъ католиковъ—православныхъ, продолжали годы жизни одного князя насчетъ другого, изъ двухъ и даже трехъ лицъ дѣлали одно, изъ одного, носившаго два имени, два лица и т. д.¹⁾ Подобная путаница объясняется, глав-

¹⁾ Такія ошибки вкрались и въ алфавитные указатели, помѣщенные при нѣкоторыхъ археологическихъ изданіяхъ. Такъ, напр., въ указателѣ при VI т. 1-й ч. Арх. Ю. З. Р., составленномъ О. Левицкимъ, акты подъ №№ CIV и CXI.VII отнесены къ Юрію

<hr/>	
Иванъ, ster.	Александръ, кн. на Логонскъ.
	<hr/>
	Семевъ.
	<hr/>
Анastasія, за П. Хребтовиче:	Василь.
	<hr/>
	Елена, за О. Горюстаевъ.
	Михаиль † 1544 г. въ Казани.
	<hr/>
Софія, за Вяче Боговит. Шумбаръ	Анна, за А. Криницкиаъ.
	Галика, за С. Фирлеевъ.
	<hr/>
	Кароль, Краков.
	Анна, за П. Тарло.
	<hr/>

N—православны

N—католики и

N²—сочувствитель

нымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII в.в., т. е. въ то именно время, когда кн. Чарторыйскіе перешли въ католицизмъ, существовало нѣсколько лицъ въ этомъ княжескомъ родѣ, носившихъ одинаковыя или сходныя имена и отчества.

Такъ, изъ старшей вѣтви, владѣвшей Чарторыйскомъ, къ этому времени относятся: Михаилъ и его сыновья—Михаилъ-Миколоай и Юрій Михайловичи, у этого послѣдняго опять былъ—сынъ Юрій. Одновременно съ ними, въ соответствующихъ поколѣніяхъ изъ младшей линии, владѣвшей Клеванемъ, жили—Юрій Ивановичъ, потомъ сынъ его Миколоай - Юрій и внукъ Михаилъ—Юрій... Трудно, а иногда почти невозможно разобрать въ этихъ именахъ и очень легко принять одно лицо за другое; тѣмъ болѣе, что подписи князей подъ разными актами и упоминанія о нихъ ограничиваются обыкновенно однимъ именемъ и фамиліей, безъ отчества, часто первыми буквами имени или даже одной фамиліей: „Юрій Чарторыйскій“, „Jerzy ks. Czartoryski“, „J. M. Czartoryski“, „M. Czartoryski“, „Czartoryski“... Ошибки повторялись, наслаивались, и въ концѣ концовъ получалась исторія одного лица, составленная изъ частныхъ фактовъ жизни разныхъ лицъ и достаточно, повидимому, обоснованная ссылками на источники и даже первоисточники.

Ивановичу Чарторыйскому, между тѣмъ какъ въ нихъ несомнѣнно идетъ рѣчь о Юріѣ Михайловичѣ. Послѣдній актъ относится ко времени, когда Юрія Ивановича уже не было въ живыхъ, какъ это видно изъ акта CXLI—стр. 365 того же изданія. Актъ подъ № CCLIV отнесенъ впрочемъ только предположительно—къ Юрію Михайловичу, между тѣмъ какъ при болѣе внимательномъ чтеніи въ немъ несомнѣнно подъ Юріємъ Чарторыйскимъ слѣдуетъ разумѣть Юрія Ивановича. Акты подъ №№ CXCI, CCLVII, CCLXXII и CCCII, въ которыхъ рѣчь о Николаѣ Юрьевичѣ, отнесены къ Николаю Ивановичу, лицу вовсе не существовавшему.

Было бы слишкомъ долго и бесполезно входить въ разборъ всѣхъ этихъ погрѣшностей, повторяемыхъ вслѣдъ за Иксекскимъ и позднѣйшими польскими, а за ними и русскими авторами, которыя обнаруживаются при изученіи историческихъ актовъ, изданныхъ преимущественно въ „Арх. Ю. З. Р.“ и мало использованныхъ въ данномъ вопросѣ польскими авторами ¹⁾.

Фамилія кн. Чарторыйскихъ, Чорторыскихъ, или Чарторыхскихъ еще въ XIV вѣкѣ распалась на двѣ главныя линіи. Старшая изъ нихъ, остававшаяся въ началѣ въ родномъ Логойскѣ, перешла затѣмъ въ Московское государство—въ Новгородъ и Псковъ: послѣдній представитель этой линіи, Михаилъ Васильевичъ умеръ въ Казани около половины XIV вѣка ²⁾.

Младшая линія перенеслась изъ Литвы на Волынь, приобрѣла здѣсь довольно обширныя имѣнія, удерживая за собою и „имене головное, отчину Чарторыескѣ, не въ повѣтъ волынскому, але въ литовскому“ ³⁾ Вскорѣ и эта линія распалась на двѣ отдѣльныя вѣтви. Старшая изъ нихъ, главнымъ гнѣздомъ которой оставался Чарторыйскъ, вслѣдъ

¹⁾ Изъ польскихъ—имѣемъ въ виду изслѣдованіе о кн. Чарторыйскихъ Ю. Баргшевича (Enc. powsz. t. VI) и Т. Стецкого („Obrazy i pamiętki“, гл. XV); изъ русскихъ—замѣтку неизвѣстнаго автора, помѣщенную въ сборникѣ „Девятистолѣтіе правосл. на Волыни“; послѣдняя, насколько намъ извѣстно—единственная на русскомъ языкѣ, едва ли и заслуживаетъ вниманія, какъ по своей краткости, такъ и по неосновательности, крупнымъ ошибкамъ и явнымъ противорѣчіямъ.

²⁾ Долгоруковъ. Росс. родосл. кн. ч. 1. СПб. 1854, стр. 333—4.

³⁾ Перечень имѣній князей Чарторыйскихъ на Волыни въ половинѣ XVI в. находится въ „Описаніи замковъ владимірскаго, луцкаго и кременецкаго“, сдѣланномъ въ 1545 г.—Пам. т. IV, отд. 2.

ствие чего и члены ея обыкновенно подписывались князьями „на Чарторыйску“, утасла около половины XVII вѣка младшая, занимавшая Клевани, почему и подписи членовъ ея встрѣчаются въ XVII вѣкѣ съ прибавкою „на Клевани“, въ тридцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія перенеслась за границу, въ Австрію, и существуетъ, кажется, донныѣ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что родъ князей Чарторыйскихъ былъ древне русскій, православный родъ, каковымъ онъ и оставался, во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, до самаго конца XVI вѣка. Памятниковъ православия кн. Чарторыйскихъ было на Волыни очень много; нѣкоторые изъ нихъ сохранились и до настоящаго времени. Такъ, въ церкви с. Вѣлева, возлѣ бывшей резиденціи кн Чарторыйскихъ Клевани, до сихъ поръ хранится „помянникъ“, писанный въ половинѣ XVI в. Въ немъ для вѣчнаго поминовенія въ этой православной церкви занесенъ цѣлый рядъ именъ (57) православныхъ князей и княгинь изъ фамиліи Чарторыйскихъ, упоминаются между ними и схимники и схимницы ¹⁾. Другимъ памятникомъ православия кн. Чарторыйскихъ, теперь уже разрушеннымъ—и, грустно сказать, ихъ же потомками,—служили многочисленные православные монастыри на Волыни, основанные или одаренные ими, каковы: Клеванскій, „Чесны Крестъ“, Чарторыйскій-Троицкій, Зимнешскій-Успенскій ²⁾ и особенно-древнѣйшій изъ православныхъ монастырей на Волыни—монастырь Пересопнидскій, история котораго, какъ сейчасъ увидимъ, очень тѣсно связана съ исторіею самого княжескаго дома Чарторыйскихъ.

1) Напечатанъ въ сборникѣ „900-л правосл. на Вол“—стр. 613, 617.

2) См. „Краткія свѣдѣнія о правосл. монастыряхъ Волынской Епархіи, въ наст. время не существующихъ“. Н. Перова—въ Волынской епарх. вѣд. 1867 г. и „Волынь“, изд. Батюшкова.

Этотъ монастырь, основанный, какъ полагають, около половины XII в. Андреемъ Боголюбскимъ ¹⁾, въ 1504 г. королемъ польскимъ и в кн. литовскимъ Александромъ былъ отданъ на жительство „до ее живота“ матери Федора Михайловича Чарторыйскаго—Софїи Немиричь, которая задумала остатокъ жизни провести въ монашествѣ и притомъ въ своемъ монастырѣ. Потомъ Александръ передать право владѣнія монастыремъ, по смерти княгини, самому Федору ²⁾. Въ 1526 г. король Сигизмундъ новымъ „привилеемъ“ подтвердилъ за Федоромъ право на этотъ монастырь, представивъ и его потомкамъ распоряжаться имъ, какъ они разсудятъ за лучшее ³⁾. По смерти Федора ⁴⁾ Пересолницкій монастырь перешелъ къ младшему сыну его Ивану, родоначальнику клеванской вѣтви, и, какъ увидимъ ниже, судьба его постоянно опредѣлялась религіозными убѣжденіями лицъ этой линіи.

Въ 1547 г. состоялся раздѣлъ между сыновьями Федора—Александромъ и Иваномъ. Александръ получилъ въ наслѣдство Чарторыйскъ и былъ, въ точномъ смыслѣ, родоначальникомъ кн. Чарторыйскихъ „на Чарторыйску“. Линія эта не славилась богатствомъ ⁵⁾ и не имѣла особеннаго значенія въ Рѣчи Посполитой. Можетъ быть поэтому именно, линія эта и оказалась болѣе устойчивою въ „древнемъ благочестіи“ и до конца почти не имѣла отпавшихъ въ

¹⁾ Кратк. свѣд... *ibid.* № 4.

²⁾ Акты З. Р. т. I, № 212.

³⁾ Оригиналъ этого „привилея“—въ клеванскомъ архивѣ. Stecki „Obrazy i ram.“, стр. 177; напечатанъ въ Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, стр. 3—5.

⁴⁾ Умеръ въ 1543 г. Archiwum ks. Sanguszków. t. IV, стр. 330; ср. тамъ же стр. 286.

⁵⁾ Имущественное положеніе кн. Чарторыйскихъ, см. Archiw. ks. Sang. III т. стр. 323; о томъ же у М. Грушевскаго, „Історія України-Руси“, т. V, ч. I, стр. 29 и дал.

своей средѣ. Но и обратное заключеніе не будетъ лишено основанія: князья „на Чарторыйску“, можетъ быть, за это именно „упорство“ и оставались, среди вельможной и болѣе уступчивой шляхты, въ тѣни, безъ доходныхъ урядовъ и почетныхъ мѣстъ.

Въ молодыхъ еще лѣтахъ Александръ Федоровичъ—князь „на Чарторыйску“ выступалъ неоднократно соратникомъ русскихъ князей О. Сангушко, К. Острожскаго, Корецкаго и другихъ, принимая дѣятельное участіе въ защитѣ родной земли отъ нашествія татаръ (въ 1530—32 г.) и въ преслѣдованіи ихъ за Кіевъ, по Звенигородскому тракту¹⁾. Будучи соседомъ по имѣніямъ съ кн. А. Курбскимъ, онъ находился съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ, хотя и не всегда мирнаго характера. Споры и ссоры изъ за имѣній, доходившія до вооруженныхъ столкновеній, а потомъ, конечно, и до судовъ²⁾, не мѣшали имъ, однако, уважать другъ друга, и князь „на Чарторыйску“ не разъ выступалъ въ качествѣ полюбовнаго судьи между княземъ „на Ковелѣ“ и его женою—Маріей Голшанскою³⁾. Но, состоя на службѣ у Рѣчи Посполитой, сначала старостой луцкимъ, а потомъ воеводой волынскимъ, онъ не могъ ограничить своихъ сношеній только православными. Въ 1545 г. встрѣчаемъ его, въ числѣ другихъ родовитыхъ дворянъ, собравшихся по приказу короля въ Луцкѣ, для пріема латинскаго бискупа Юрія Фальчевскаго и совмѣстной съ нимъ переписи украинскихъ замковъ⁴⁾. Подпись этого князя подъ актомъ Люблинской уніи 1569 г. даетъ польскому автору поводъ къ такой его характеристикѣ: „князь Александръ—выдающаяся

¹⁾ Arch. ks. Sang. т. IV, стр. 87—8, 287, 303 и др.

²⁾ Иванишевъ. Матеріалы... т. I, стр. 3, 13.

³⁾ Ibid. стр. 94, 152.

⁴⁾ Памят. т. IV, отд. 2, стр. 41 и дал.

историческая личность въ своей фамилии: онъ первый Чарторыйскій, славшій въ Литвѣ полякомъ" ¹⁾. Въ извѣстномъ смыслѣ это, пожалуй, справедливо. Но только не надо забывать, что онъ жилъ въ то счастливое время, когда польское правительство, хотя быть можетъ и вынужденно, само еще стояло за религіозную свободу и вѣротерпимость ²⁾, и можно было быть „добрымъ полякомъ“, оставаясь въ то же время русскимъ по языку и православнымъ по вѣрѣ. Королевскимъ привилегіемъ волынской землѣ, какъ и другими на Люблинскомъ сеймѣ, обезпечивалась, повидимому, эта возможность и на будущее время, а сверхъ того русское православное дворянство приобрѣтало, какъ будто, всѣ права коронной шляхты, которыхъ раньше не имѣло ³⁾. Не нужно было быть большимъ „полякомъ“, чтобы подписаться подъ этимъ актомъ: достаточно было быть довѣрчивымъ челоуѣкомъ... Этими мотивами руководился, несомнѣнно и кн. Александръ ⁴⁾, а самой уніи онъ, кажется, сочувствовалъ очень мало. По крайней мѣрѣ онъ значится въ спискахъ тѣхъ православныхъ волынскихъ дворянъ, которые, имѣя свои „оселости“ въ повѣтѣ луцкомъ, „въ городѣ Луцкомъ присяги передъ комисаремъ его королевское милости не чинили“ ⁵⁾. Вскорѣ послѣ этого князь Александръ умеръ (въ 1570 г.), оставивъ послѣ себя дочь Марію, бывшую за Сапѣгой, и сына—Михаила.

1) Encykl. powsz. t. VI, str. 218.

2) В. Бѣдновъ. „Правосл. церковь въ Польшѣ и Литвѣ“ (по volumina legum). Екатеринославъ, 1908 г., стр. 119—120.

3) Ibid, стр. 111 и далѣе.

4) Подписывая актъ Люблинской уніи, онъ тогда же просилъ короля объ уравненіи его правъ съ правами воеводъ польскихъ. „Skarbiec diplomatów“. I. Daniłowicza. Wilno, 1862 г. стр. 334.

5) Арх. Ю. З. Р. т. I, ч. 2, стр. 13.

Михаилъ Чарторыйскій, староста Житомирскій, былъ женатъ на дочери Іеронима Ходкевича, Софій; съ кн. Курбскимъ находился, видимо, въ дружественныхъ отношеніяхъ ¹⁾, а кн. Богушъ Корецкій, преданный „древнему благочестію“, въ своемъ духовномъ завѣщаніи поручилъ даже его опекѣ своего сына „Іхима“ ²⁾. Въ 1573 г. онъ былъ избранъ посломъ отъ волынскаго дворянства на избирательный сеймъ и въ спискѣ пословъ, которыхъ было очень много, занимаетъ второе мѣсто ³⁾. Все это —данныя, дѣйствительно говорящія въ пользу того предположенія ⁴⁾, что князья Чарторыйскіе, точнѣе—этотъ Чарторыйскій—пользовался большимъ уваженіемъ на Волыни. Во не въ Рѣчи Посполитой: дальше житомирскаго староства онъ не пошелъ, а матеріальное его положеніе было и того хуже. Въ 1580 г. онъ съ женою должны были уступить „по крайней нуждѣ“ нѣкому Лазарю Іваницкому, въ обезпеченіе своего долга въ 400 к. гр. лнг., свое имѣніе „Чесны Крестъ“ ⁵⁾. Очевидно, въ „Коронѣ“ его уже не считали „добрымъ полякомъ“,—наступали другія времена, затѣвались другія пѣсни.—Едва ли нужно добавлять что князь—былъ православнымъ.

Въ духовномъ завѣщаніи своемъ отъ 1582 г. князь Михаилъ завѣщалъ похоронить себя въ монастырѣ св. Троицы подлѣ Чарторыйскомъ ⁶⁾.

Нѣсецкій, а велѣдъ за нимъ и другіе—называютъ только одного сына Михаила, Юрія. Но изъ несомнѣнныхъ до-

¹⁾ Іванишевъ. Матеріалы г. I, стр. 176

²⁾ Арх. Ю. З. Р. т. I, ч. I, стр. 95—116.

³⁾ Іванишевъ. Матеріалы... т. I, стр. 49.

⁴⁾ Encycl. powsz. t. VI. str. 218.

⁵⁾ Там г. I, отд. I, № 8.

⁶⁾ Н. Петровъ. „Кратк. свѣд. о прав. мон. Вол. ен“, въ Вол. Ел. Вѣд. 1867 г. № 5

кументовъ видно, что, кромѣ Юрія, у него быть еще сынъ— Михайлъ (Миколай) и дочь Софія ¹⁾. И Михайлъ Михайловичъ, и сестра его Софія до конца своей жизни оставались въ православіи и были ревнителями древняго благочестія.

Въ 1645 году, слѣдовательно уже въ то время, какъ всѣ Чарторыйскіе—Клеванской линіи—были католиками, князь Михайлъ Михайловичъ Чарторыйскій былъ избранъ маршалкомъ дворянскаго сеймика, состоявшагося въ томъ году изъ обывателей волынскаго воеводства и предшествовавшаго варшавскому сейму 1645 г. Въ числѣ другихъ просьбъ волынскаго дворянства, княземъ М. Чарторыйскимъ была занесена въ дѣцкія градскія книги просьба объ исполненіи мѣръ для защиты православной религіи и жалоба на притѣсненія, претерпѣваемые православною церковью ²⁾.

1) „Запись п. Вацлава Боговита на своей женѣ Софіи Михайловой Чарторыйской на имѣніе Рахмановъ“. „Ten mój list, заканчивается запись, podpisać raczyli: Im. książę Jerzy a książę Michał Michajłowicze Czartorwscy szwagrowie moi“. Stecky. Wołyń, serja 2, w dodatkach № VIII, str. 452—4.

2) Арх. Ю. З. Р. ч. 2, т. I, стр. 287. Приводимъ, въ извлеченіи, эту жалобу: „Греческая религія, старожитная, имѣющая привиллегіи, обезпеченная „*pactis conventis*“ и присягою его королевской милости, терпитъ такое насиліе въ христіанскомъ католическомъ государствѣ и въ „вольной и свободной“ Речи посполитой, какого не терпятъ православные христіане и въ поганской неволѣ: церкви забраны, монастыри и кааедры (епископскія)—тоже; убогію христіане умираютъ безъ таинствъ и не смѣютъ открыто погребать своихъ мертвецовъ; въ Люблинѣ, также въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и въ другихъ мѣстахъ они вынуждены собираться тайно, въ кабакахъ (*piwnicach*) и частныхъ домахъ, будучи лишены своихъ церквей... св. крестъ отнимаютъ—и пытаются провести даже на сеймѣ новое постановленіе о лишеніи права пользоваться св. крестомъ... Какое же рабство можетъ быть больше этого? Поэтому-то, до удовлетворенія и прекращенія этихъ

А что онъ самъ первый чувствовалъ всю тяжесть этихъ насилій и добивался справедливости не пзъ однихъ гуманитарныхъ убѣжденій, которые не чужды были и нѣкоторымъ католикамъ, а потому, что и самъ былъ православнымъ—это видно изъ особаго мнѣнія („конклюдзія“) о соглашеніи православныхъ съ католиками, поданнаго при этой же жалобѣ княземъ Михаиломъ единолично, отъ себя, на особой „картѣ“ и за своею только подписью.

„Когда все то, писалъ князь, кореннымъ образомъ (gruntownie) и въ дѣйствительности (realiter) будетъ удовлетворено, пусть болѣе уже эти нѣсколько духовныхъ лицъ, которые приняли унію, не правятъ всѣмъ народомъ, не нарушаютъ мира и спокойствія Рѣчи Посполитой. Мы сами охотно соглашаемся имѣть братское совѣщаніе и трактовать о надлежащемъ усюкоеніи съ панами католиками *ritus latini*; но не съ тѣми, которые, въ количествѣ нѣсколькихъ особъ, сами, безъ прочнаго основанія устроивши эту унію, внесли безпорядки и волненія въ Рѣчь Посполитую; и подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы, пока состоится это соглашеніе съ нами и нашимъ духовенствомъ (дай то, Господи!), тѣ, которые отступили отъ насъ, присоединились бы снова, или были обязаны уступить намъ все имѣнія, церкви, монастыри и каеэды“ ¹⁾...

Результата эта жалоба и „конклюдзія, какъ и другія подобныя многочисленныя ходатайства православныхъ, какъ извѣстно, не имѣла почти никакого ²⁾. Но это нѣсколько

тяжкихъ нашихъ угнетеній, паны послы наши не должны приступать ни къ какимъ соглашеніямъ, въ чемъ обязываемъ ихъ во имя вѣры, чести и совѣсти“...

¹⁾ Подѣ „конклюдзіей“ подписался—„*Michał książę Czartoryski, marszałek koła rycerskiego*“. Арх. Ю. З. Р. ч. 2, т. I стр. 288.

²⁾ См. Бѣдновъ, „Правосл. церк. въ Польшѣ и Литвѣ“, стр. 270—290.

не умаляетъ нравственнаго достоинства самихъ ходатаевъ. Тѣмъ болѣе достойны уваженія такія личности, какъ кн. Михайль Чарторыйскій, который единично, не укрываясь въ коллективности, выступилъ ходатаемъ за вѣру и правду противъ властей предержавшихъ и свѣтскихъ и духовныхъ. Но власти Рѣчи Посполитой думали иначе, и этотъ „маршалокъ кола рыцарского“ не занималъ никакого уряда въ Рѣчи Посполитой. Тамъ ему не было мѣста, какъ по печальному, но можетъ быть не случайному совпаденію, не оказалось ему мѣста и въ лѣтописяхъ и историческихъ повѣствованіяхъ польскихъ авторовъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ открываемъ принадлежащее ему почетное мѣсто въ генеалогіи княжескаго дома Чарторыйскихъ.

Когда скончался этотъ послѣдній изъ Чарторыйскихъ ревнитель „старожитной“ вѣры,—мы не знаемъ. Вѣроятно, это его имя занесено послѣднимъ въ помянникъ Бѣлевской церкви.

Глубоко предана была православію и сестра этого князя Софія, бывшая въ замужествѣ за православнымъ дворяниномъ Боговитиномъ-Шумбарскимъ, волынскимъ хорунжимъ, и оставшаяся по смерти мужа, въ силу упомянутой уже его записи, владѣтельницею довольно обширныхъ Рахмановскихъ имѣній. Княжна славилась своею набожностію и щедростію и особенно заботилась о распространеніи просвѣщенія и переводѣ съ греческаго языка на славянскій книгъ духовнаго содержанія. Въ предисловіи къ „Евангелію учительному“, напечатанному въ Рахмановѣ въ 1619 г., авторъ его Кирилль Транквилионъ Ставровецкій говоритъ, что свое „Евангеліе“ онъ составилъ изъ разныхъ „оныхъ мужовъ знаменитыхъ, а къ тому съ бесѣдъ евангельскихъ и почасти съ апостольскихъ, которыхъ преложила съ греческаго языка на словенскій, стараніемъ, промысломъ и коштомъ своимъ, святой памяти ея милость княжна Чартори-

ская Софія, пани Боговитинова, хорунжиная волынская ¹⁾. Несомненно объ этой княгинѣ говорится и въ предисловіи къ „Толков. св. Іоанна Златоуста на 14 посл. ап. Павла“, — „яко Θεодора (?) княгиня Чарторыйская Боговитинова, хорунжая волынская, благочестивая, по мужи своимъ, второго не познавшая, Кипріана іеромонаха отъ града Острога, мужа свята, еллински искушена, въ Египтіихъ и Патавіи поблудствовавша, таже на горѣ Афонскѣй живша, призвана же и пришедъ предложеніе 14 посланій сотвори. Посемъ Михаилъ Корибутъ Вишневецкій, стар Овручкій, на тисненіе залого даде, и умре“ ²⁾. Имя „Θεодора“ (вмѣсто Софія) здѣсь или просто описка, или, быть можетъ, имя этой княгини въ монашествѣ. Въ Бѣлевскомъ помянникѣ дѣйствительно значится между „княгинями Чарторыйскими“ — „Θεοδора-схимница“, но эта ли именно княгиня здѣсь разумѣется, рѣшить трудно. Изъ надгробнаго слова Лаврентія Зязанія, сказаннаго при погребеніи княгини Софіи Чарторыйской, не видно, чтобы она была монахиней; не думаемъ, чтобы проповѣдникъ упустилъ это обстоятельство. Въ полученіи, очень пространномъ, вотъ что сказано собственно о княгинѣ: „Софія именемъ, т. е., премудрость; а ведлугъ имени ея и задного заволачя и преславнаго ея уроженя, и сиравы ея суть хвалебныи... пошла до Пана своего, полная вѣры и любви, полная и ладби, абовѣмъ учинки ея добрыи идутъ за нею: идетъ послушенство въ святой вѣры православної католической; идетъ онаа испанялая вздержливість съ постомъ и молитвою; идетъ за нею ямужина обфитая.

¹⁾ Опис. старопеч. книгъ Толстова. 1829. Москва. Н Строевъ, стр. 143. Едва ли однако основательно заключать изъ этихъ словъ, будто кн. Софія сама лично переводила кн. бесѣды съ греческаго языка на славянскій, какъ думаетъ Стецкій. Wołyń, s. r. 2, str. 58.

²⁾ Петрушевичъ. Сводн. гал.-русскаго. 1811. стр. 283.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. II 1909 г.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

зъ милосердіемъ и терпѣливостію звученая; идетъ великая покура зъ набоженствомъ и правдою и съ множествомъ цнотъ иншихъ; идетъ за нею вдовство ея зацное съ чистотою и съ вѣчностью встыдливою... Слупне и пристойне ее ямужницею назвати можемо для особливыхъ ея милосердныхъ учинковъ; таѣ бо вѣмъ гойне съ щодробливой руки своей удѣляла даровъ Божихъ каждому, который ся до неѣ съ просьбою утикали; а то еще милосердія ея большее и особлившее, же сама усмотровала людскіѣ потребности и недостатки ихъ пополняла, и не едно шпитальныхъ и духовныхъ, але всѣхъ братій и сестеръ Христовыхъ" 1)...

Умерла кн. Софія въ 1603 или 4 году, а память объ ней долго жила еще кругомъ и въ самомъ Рахмановѣ. Здѣсь, въ zaloженной ею типографіи, долго еще продолжали выходить благочестивыя русскіѣ книжки 2). Имѣнія ея перешли къ брату ея Юрію.

До начала XVII в. и Юрій Михайловичъ Чарторыйскій, братъ Михаила и Софіи, оставался православнымъ. 24 августа 1600 г. въ люблинскій судъ явились отъ братства люблинскаго старшіе мѣщане „реchen закону греческаго“ и „покладали у суду листъ вельможнаго княжати Юрія Чарторыскаго, подъ печатю и съ подписомъ руки его милости

1) „Поучение при погребѣ Софіеи княгини Чарторыскаго, чиненое отъ священноіерея Лаврентія Зизаного, протопопа Корецкаго“. („Списаное мною въ Корцу лѣта 1618 мая 18“). Крыловскаго. Львовск. ставр. братство. Приложенія, № XXVIII. Дата - 1618 г.,—сдѣланная рукою какого то позднѣйшаго переписчика, очевидно, не можетъ служить датой самого погребенія княгини, какъ это ошибочно обозначилъ г. Крыловскій въ заголовкѣ документа. Княгиня Софія умерла гораздо раньше, не позже 1605 г., какъ это видно изъ дарственной записи брата ея Юрія князьямъ Вишневецкимъ, приведенной въ „додаткахъ“ къ II т. „Wołyń. Steckiego, стр. 455—459.

2) Stecki. Wołyń, ser. 2-ga; стр. 58.

власное, письмомъ польскимъ подписаного“¹⁾, въ которомъ значилось, что 1539 г. 20 іюля „Юрій кн. Чарторыйскій на Чарторыску, будучи подлеглый релиіи греческое и хотячи, абы имя его за молитвами въ тутошніе церкви св. Спаса запоминано не было“, уплатилъ священнику братской церкви сумму въ 120 золотыхъ польскихъ съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ, согласно состоявшемуся раньше между священникомъ и братчиками условію, всё „фундуши“ церковные въ вѣдѣніе православныхъ братчиковъ. „Если бы кто хотѣлъ оному братству, заканчивается записъ Юрія, ку оной церкви и правахъ имъ належачихъ кривду чиниты, тогда е ихъ отъ ишелякихъ кривдъ борониты маю и повиненъ буду“²⁾. Два года спустя, князь Юрій снова повторилъ свое обязательство защищать люблинское братство отъ всякихъ обидъ и притѣсненій³⁾.

А 13 мая 1603 г. князь Юрій, въ числѣ многихъ другихъ дворянъ Рѣчи Посполитой, собравшихся въ томъ же Люблинѣ, заявилъ письменно королю Сигизмунду свое согласіе на унію и принятіе новаго календаря⁴⁾. Какимъ образомъ произошла въ эти два года такая перемѣна въ религіозныхъ убѣжденіяхъ князя, что побудило его принять унію—неизвѣстно, но только онъ рѣшительно и навсегда отступилъ отъ православной церкви⁵⁾.

1) Всѣ подписи этого князя—на польскомъ языкѣ, между тѣмъ Юрій Ивановичъ всегда подписывался по-русски. Несомнѣннымъ доказательствомъ, что приводимый документъ принадлежитъ Юрію Михайловичу, служить сдѣланная въ немъ прибавка—„князь на Чарторыску“.

2) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, стр. 266—268.

3) Арх. Ю. З. Р. ч. 2, т. I, стр. 35—39.—1601 г. 5 мая.

4) Петруш. Сводя. гал.-русск. лѣт., стр. 16.

5) Нѣкоторые изъ лицъ, изъявившихъ согласіе на унію въ 1603 г. въ Люблинѣ, потомъ возвратились въ православіе. (Списокъ дворянъ, сейчасъ указанный (Петруш. „Лѣтоп.“ стр.

затъ, исключительное. Западно-русское дворянство разсматриваемаго періода или держалось до времени православія, или же прямо переходило въ латинство. Унія родилась и существовала усилиями правительства и духовенства Рѣчи Посполитой, а среди свѣтской шляхты, особенно вельможной, искреннихъ и устойчивыхъ сторонниковъ вообще не имѣла. Русская шляхта, православная, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и окатоличенная, вообще была противъ уніи, примѣровъ чего мы видѣли уже не мало ¹⁾. Что же могло склонить и удерживать въ уніи кн. Чарторыйскаго, и какъ могли укладываться въ сознаніи его—искреннее, повидимому, уваженіе къ православному благочестію своихъ предковъ, удерживающее его отъ латинства, и—съ другой стороны—ревность къ уніи, заставляющая его смотрѣть на тѣхъ же православныхъ, какъ на „схизматиковъ“? Нельзя, конечно, объяснить переходъ князя въ унію (а не латинство) одною привязанностью къ греческому обряду, которой отличался болѣе простой народъ, для котораго собственно и была придумана унія, а не магнаты, аристократія. Правильнѣе всего будетъ видѣть въ данномъ случаѣ результатъ того историческаго обмана, какой проводили іезуиты—объ исконномъ единеніи русской церкви съ римскою, о флорентійскомъ соборѣ, о позднѣйшей „схизмѣ“ русской церкви ²⁾. Мистификація, проводившаяся искусно и тонко и получившая довольно широкое распространеніе ³⁾, могла увлечь именно тѣхъ, кто искренно былъ преданъ православной вѣрѣ, но не могъ дать себѣ яснаго отчета ни въ ея догматическихкихъ основаніяхъ, ни въ ея исторіи. Къ числу этихъ

¹⁾ См. о томъ же „Правосл. церк. въ Польшѣ и Литвѣ“ В. Бѣднова, стр. 177—190, 274, 331 и др.

²⁾ См. напр. соч. П. Скарги „O jedności“, въ Русск. Истор. Библ. VII.

³⁾ Книга Скарги, на протяженіи 1577—1590 г., вышла двумя изданіями. Ibid. 529.

жертвъ обмана, вѣроятно, и принадлежалъ Юрій Чарторыйскій. Въ приведенной записи его проглядываетъ II. Скарга, когда князь руководится примѣромъ „линыхъ“ своихъ православныхъ предковъ въ дѣлахъ на пользу униі. Въ этой роли князь остался, кажется, до конца; и православные и униаты считали его своимъ. Въ 1619 г. іером. Кирилль Транквилионъ Ставровецкій, выпуская на свѣтъ „подъ великозападнымъ и славнымъ именемъ“ князя свое „Учительное евангеліе“, въ посвященіи объясняетъ, что „за оное добродѣйство, а особливую щедробливость, которыхъ онъ дозналъ въ дому его кн. милости“, умыслилъ хоть чѣмъ нибудь послужить своему благодѣтелю и высказывать надежду, что книга принесетъ князю „пекного богатства и Богу милого ложитку“, если князь прочтаетъ ее „вѣрою и живымъ разсудкомъ“ ¹⁾. А два года спустя базилианскій монахъ, въ посвященной тому же князю „Proba verificatiey“, такъ говорилъ князю: *Wiadomo albowiem jest wszystkim pobożność W. X. M. gorąca w nabożeństwie Chrześcijańskim katolickim greckiem: którą nikomu naprzód nie dajesz, przy niej nieodmiennie stojąc i onę rzęzwliwie za podaną każdą okazją broniąc* ²⁾.

Годъ смерти князя намъ неизвѣстенъ. Отъ брака его съ Θεодорой Колыитовской ³⁾ остался единственный сынъ — Юрій. О немъ съ увѣренностію можемъ сказать только, что

¹⁾ Опис. старопеч. кн. гр. Толстова, Строевъ, стр. 143—145.

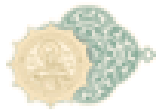
²⁾ „Proba verificatiey omylney y dowod swowolienstwa matoſtychanego czernców y jednomyſlnych bractwa Wileńskiego“ przez T. Simanowicza w Zamoſciu, 1621 roku.

³⁾ Между супругами не было согласія, и дѣло доходило до судовъ. Волинскіе дворяне, во вниманіе къ князю, какъ „человѣку въ томъ дѣлѣ невинному“ и „ни въ чемъ не нарушившему правъ своей жены“, двукратно ходатайствовали о немъ предъ Сигизмундомъ III, немилости котораго онъ подпалъ. „niewinnie pomowiony od p. Feodory Kołpytowskiej“. Арх. Ю. З. Р. ч. 2, т. I, стр. 108 и 143.

онъ былъ послѣднимъ представителемъ линіи кн. Чарторыйскихъ „на Чарторыйску“, и вмѣстѣ съ нимъ угасла и эта линія ¹⁾

1) Положительныхъ извѣстій объ этомъ князѣ мы не нашли никакихъ. Ибсецкій (t. III, str. 228) говоритъ, что онъ видѣлъ копію посланія къ папѣ, подписаннаго Юріемъ и Николаемъ Чарторыйскими въ 1621 г., и что оба эти князя „z wiodzonego sobie i prawie z mlekkiem wlanego affectu“ защищали „честь невинныхъ слугъ Божіихъ“ — іезуитовъ. Равнымъ образомъ и Argentus (De rebus soc. Jesu... ad Sigism. III, 1620, стр. 395) называетъ какого-то Юрія и Николая Чарторыйскихъ „duces genere et pietate nobilissimi, testes illustrissimi societatis, in regno hoc benefactores“. Но здѣсь рѣчь несомнѣнно не объ этомъ Юріѣ, а объ Юріѣ Ивановичѣ—на Клевани и сынѣ его Николаѣ, которые, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно были ревностными поклонниками іезуитовъ; или даже объ одномъ Николаѣ, носившемъ два имени Юрій-Николай, такъ какъ Юрій Ивановичъ умеръ много раньше 1621 года, каковымъ помѣченъ указанный Ибсецкимъ документъ. Отсутствію какого бы то ни было упоминанія объ этомъ князѣ въ архивныхъ данныхъ даетъ право думать, что онъ не занималъ никакого officialнаго положенія и не имѣлъ общественнаго значенія. Дѣлаемъ догадку, что князь ушелъ отъ того и другого—въ монастырь. Нѣкоторымъ основаніемъ для такой догадки служить Бѣлевскій помянникъ, въ которомъ въ концѣ списка кн. Чарторыйскихъ значится „Георгій-схимникъ“. Не знаемъ, кого бы другого можно разумѣть подъ этимъ именемъ. Но подтвержденій для этой догадки найти намъ не удалось. Можетъ быть ихъ не сохранилось. Отецъ его, „бачечи то, ижъ на томъ свѣти нашего ничого певного и трывалого быть не можетъ“, строилъ монастырь; а сынъ могъ въ немъ укрыться отъ этого свѣта, отказавшись отъ всякой роли и въ его дѣлахъ, и въ воспоминаніяхъ...

Родовое гнѣздо кн. Чарторыйскихъ, г. Чарторыйскъ, переходя изъ рукъ въ руки, пришелъ въ совершенный упадокъ. Теперь—это маленькое мѣстечко волынскаго полѣся. Отъ былого величія не осталось и слѣдовъ.

Переходимъ къ младшей, „Клеванской“ линіи кн. Чарторыйскихъ. Линія эта, перенесшаяся изъ глубины Полѣсья за его южныя границы, на Волинь, почти сразу заняла важное мѣсто въ Рѣчи Посполитой, а съ половины XVII и на протяженіи XVIII в. она играла первенствующую роль. Если изъ этой фамиліи никто и не попалъ на польскій престолъ, то зато были лица, которыя правили самими королями Польши... Параллельно съ этимъ разрастались и ея богатства. Но такъ же быстро шло и ея перерожденіе. Уже во второмъ поколѣніи этой линіи появляются ревностные католики, а въ третьемъ не остается ни одного лица въ „древнемъ благочестіи“. И какъ въ старшей линіи твердость въ этомъ благочестіи совпала съ общественнымъ и матеріальнымъ захуданіемъ рода, такъ въ этой—религіозная уступчивость совпадаетъ съ матеріальнымъ и служебнымъ процвѣтаніемъ. Польскіе историки склонны называть эту религіозно-національную духовную слабость—жизнеспособностью, отзывчивостью къ духу времени, прогрессомъ. Не будемъ спорить о словахъ. Но фактъ остается фактомъ,—что такія совпаденія не были случайными явленіями въ Рѣчи Посполитой, а были результатомъ ея польско-ка-

“ дѣльской политики.

Родоначальникомъ кн. Чарторыйскихъ „на Клевани“ былъ второй сынъ Федора—Иванъ, получившій отъ отца, какъ мы уже знаемъ, древній г. Пересопницю съ православнымъ монастыремъ, а по раздѣлу съ братомъ Александромъ¹⁾ и Клеванъ съ прилежащими селами и тоже съ однимъ изъ древнѣйшихъ—монастыремъ „свѣтого Николы на Клевани надъ Стублемъ“²⁾

— — — —

¹⁾ Раздѣлъ имѣній между братьями состоялся въ 1547 г. Neis. t. III, str. 229; Stecki „Obrazy i pam.“ str. 198.

²⁾ Неправильно приписываютъ основаніе этого монастыря Федору Михайл. Чарторыйскому—въ 1490 году („900-лѣтіе пра-

„Князь Иванъ хотя и держался православной вѣры, но, какъ и братъ его Александръ, все болѣе становился полякомъ, принималъ самое дѣйтельное участіе въ соединеніи литовскаго княжества съ короной польской, особенно расчитывая путь къ этому соединенію (*droga do niej utożował*) на варшавскомъ сеймѣ 1564 г., а въ 1569 г. первый подписать актъ „Любливской уніи“. Такъ велѣлъ за Нѣсецкимъ рѣшиительно говорить о немъ и прочіе польскіе авторы ¹⁾, страдающіе вообще тенденціей возможно дальше въ глубь исторіи отодвинуть ополченіе западно-русскаго края. Но, какъ оказывается, эти категорическія рѣчи лишены всякаго основанія. Изъ вновь изданныхъ документовъ видно, что кн. Иванъ не могъ ни ратовать за унію, ни подписываться подъ ней, потому что умеръ по крайней мѣрѣ за три года до самой уніи. Уже 10 марта 1566 г. король Сигизмундъ предписывать городничему кіевскому выдать Аниѣ Кузьминичнѣ Чарторыйской деньги, недоплаченные за службу ея покойному мужу „небожчику“ Ивану Федоровичу Чарторыйскому ²⁾. И если кн. Иванъ Федоровичъ былъ „полякомъ“, то лишь въ томъ именно смыслѣ, какъ и братъ его Александръ, оставаясь не только православнымъ, но и русскимъ по языку. И женатъ былъ онъ на православной княжнѣ—Аниѣ Кузьминичнѣ Заславской. Мать ея Анастасія Курьевна, урожденная кн. Ольшанская, по смерти своего мужа, „при благовѣрномъ и христіюбивомъ князѣ Іоаннѣ Федоровичѣ

ввел. на Волини“, стр. 55). Уже въ дарственной записи, отъ 1446 г., в. кн. „Швитрикгайло Олькирдовича“ (Александра) Михайлу Васильевичу Чарторыйскому, упоминается этотъ монастырь. Arch. ks. Sangusz. t. III, str. 5. Тамъ же см. перечень селъ, наданныхъ М. Чарторыйскому.

¹⁾ Nies. T. III, str. 229; Jul. Bartoszewicz—Enc. powsz. t. VI, str. 219; T. Stecki „Obr. i pam.“ str. 199.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. 8, т. V. 1907 г., стр. 499—500.

Чарторыйскомъ, зятѣ ея милости“. поступила въ Заславскій монастырь, гдѣ и была (1561—1566 г.) игуменьей ¹⁾. По приѣзду матери, и княгиня Анна, по смерти Ивана Федоровича, провела остатокъ дней своихъ въ монастырѣ, подъ именемъ Евдокіи ²⁾.

У Ивана и Анны Чарторыйскихъ было два сына—Иванъ и Юрій и двѣ дочери—Екатерина и Елена. Старшій сынъ Иванъ—личность почти совсѣмъ неизвѣстная и не встречающаяся въ документахъ ³⁾. Старшая дочь—Екатерина была въ замужествѣ за православнымъ дворяниномъ Василиемъ Загоровскимъ. Довольно опредѣленная характеристика ея, сдѣланная ея же мужемъ, даетъ право думать,

¹⁾ Истор. русск. церк. Филарета, пер. III, стр. 175; Очерки изъ ист. правосл. церкви на Волыни, Хойнацкаго, стр. 140.

²⁾ Въ принятіи монашества княгинею Анною не можетъ быть сомнѣнія. По словамъ Стенкаго, оригинальные документы киевскаго архива самымъ опредѣленнымъ образомъ говорятъ только объ одной женѣ Ивана Чарторыйскаго—Аннѣ Заславской, что подтверждается и упомянутымъ уже указомъ Сигизмунда (Арх. Ю. З. Р. ч. 8, т. V, стр. 499—500); но тотъ же авторъ видѣлъ въ старой замковой киевской церкви древнее евангеліе, въ которомъ, рядомъ съ заглавнымъ листомъ, была сдѣлана запись въ пользу православныхъ священниковъ подъ 1572 г., за подписью „княгини Евдокіи и ея двухъ сыновей—Ивана и Юрія“. Stecki. „Obrazu i pam.“ стр. 201. Подтвержденіемъ того же служить и ниже-приводимое мѣсто изъ завіщанія В. Загоровскаго, въ которомъ указывается и монастырь (Зимненскій), гдѣ подвизалась княгиня.

³⁾ Нѣсецкій называетъ его „maż dzielności wielkiej i odwagi“. Говорятъ, что онъ принималъ участіе въ походахъ Ст. Баторія противъ Москвы и особенно отличился подъ Псковомъ. Женатъ былъ на Евѣ Боркулабъ и имѣлъ только одну дочь. Stecki. „Obr. i pam.“ 201. Enc. powsz. VI, 220. Несомнѣнно—Иванъ умеръ въ молодости, и уже въ 1590 г. младшій братъ его—Юрій былъ полновластнымъ хозяиномъ на Клевани.

что въ религіозномъ превращеніи киеванскихъ князей она не играла никакой роли, ни положительной, ни отрицательной¹⁾. Гораздо болѣе интереса въ этомъ смыслѣ представляютъ младшія дѣти Ивана—Юрій и Елена; одинъ—какъ первый изъ Чарторыйскихъ ревнителей католицизма, а другая—какъ послѣдняя ревнительница „сторожитной вѣры“.

Юрій, послѣ смерти отца (въ 1566 г.), еще мальчикомъ остался на попеченіи своей матери, Анны Заславской. Религіозная княгиня видимо съ особеннымъ вниманіемъ относилась къ воспитанію сына. Радуюсь его успѣхамъ, она писала объ этомъ кн. Курбскому, съ которымъ находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ, и высказывала намѣреніе отдать своего сына для довершенія образованія въ іезуитскія школы, которыя въ то время начинали уже пользоваться популярностью. Княгиня высказывала желаніе помѣстить сына въ особенно славившуюся тогда виленскую академію, въ которую около того времени поступили М. Смотрицкій, Юрій Пузына и много другихъ волынскихъ аристокра-

¹⁾ Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ въ 1577 г. изъ турецкой неволи, В. Загоровскій сообщаетъ слѣдующія подробности объ этой своей супругѣ. Указавши на то, что для остающихся его сиротъ необходимѣ всего были бы заботы матери „цѣлливой, добре заховалой и статечной“, онъ съ сокрушеніемъ прибавляетъ: „але мене, отца ихъ, также и ихъ самихъ Богъ милосердный за грѣхъ мой таковою женою, а ихъ маткою наведилъ, которая вже годъ на день св. ап. Петра и Павла, за посланьемъ отъ матки своея брата ее кн. Юрія Чорторыского, въ мене вприсившиися навѣдати хорую матку свою, къ монастыру Земенскому отѣхала, воли свои досыть чинючи, а не памятаючи на повинность и присягу свою, кромѣ воле моея, малжонка своего, не їдучи въ домъ мой... зъ маткою своею въ домъ ее до Клевана їхала... а мешкане свое при маткѣ своей улюбивши, проежчокъ по Литвѣ и индей, гдѣ ей ся подобало, ұживають“... Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. I, стр. 70—71.

товъ¹⁾. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Курбскій поздравляетъ „честнѣйшую госпожу, въ правовѣрїи свѣтлѣйшую и вдовства чистотою сияющую“ съ успѣхами ея сына въ изученїи св. Писанїя. „За то благодаримъ велицѣ, яко твоя честность писала къ намъ, иже сынъ твой въ страстѣ Божїемъ и во правовѣрїи отеческомъ утверждень и охоту маеть къ священнымъ писанїямъ... А еже твоя милость писала еси намъ, еже хоцещи послати его до Вильны, до римскаго закона честныхъ презвитеровъ езуитовъ: и то умышленїе твое похвально. Но всеко не хоцу ты утантї, яко слуга и прїятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, иже многіе родители были дали имъ, яко княжескихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, дѣтки своя учити наукамъ вызволеннымъ, яко слышимъ отъ нѣкоихъ: но они не навча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучихъ вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрїя и покрестили въ свое полувѣрїе, яко Крапивинскаго князя сыночковъ и другихъ. И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти своя пакы отобрали: бо они ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрїю, и нарицають четырехъ патріарховъ восточныя церкви схизматиками, сирѣчь раскольниками, а сами наче будучи сущїе схизматицы -- съ ихъ папою и со всѣми кардиналы. А сіе пишу, не изъ ненавїды, а не завїды имъ: не буди! но правду во истину и что дѣтеть, остерегаячи твою честность“. При эгомъ же письмѣ Курбскій посылаетъ княгинѣ написанный имъ „листъ“ противъ іезуитовъ, съ просьбою не показывать его иновѣрнымъ²⁾.

¹⁾ См. „Очеркъ исторїи г. Вильны“, Васильевскаго, въ „Нам. Русск. стар. въ зап. губ.“: изд. Батюшк., вып. VI, стр. 16.

²⁾ „Сказанїя кн. Курбскаго“, изд. 2, Н. Устрялова, 1842 г., стр. 276—278. Между прочимъ: новѣйшїи польскїй историкъ А. Яблоновскїй въ своей „Akademia Krowsko-Mohylańska“, Warszawa, 1882 г., стр. 100, упоминаетъ о Курбскомъ, какъ о „человѣкѣ, который въ 1542 г. написалъ противъ іезуитовъ трактатъ“.

Неизвестно, что послѣ этого предприняла княгиня. Польскіе авторы говорятъ, что Юрій Ивановичъ учился такъ у виленскихъ іезуитовъ¹⁾. Можетъ быть это случилось послѣ смерти матери, которая жила, кажется, очень недолго. Какъ бы то ни было, только опасенія кн. Курбскаго сбылись: Юрій Ивановичъ перешелъ въ римско-католицизмъ и щедро благодѣтельствовалъ іезуитамъ. Это былъ первый, по времени, католикъ изъ всей фамиліи князей Чарторыйскихъ. Выбѣствъ съ Христофоромъ Збаражскимъ онъ позаботился объ устройствѣ и матеріальныхъ средствахъ іезуитской коллегіи въ Винницѣ, служившей потомъ разсадникомъ латинства въ Подоліи²⁾. Записали его въ число своихъ благодѣтелей и луцкіе іезуиты, которымъ онъ уступилъ свой дворъ и площадь и пособилъ деньгами³⁾. А въ то же время отъ православнаго владыки луцкаго и намѣстниковъ шли въ судъ одна за другою жалобы на кн. Юрія, разорявшаго и грабившаго церковныя имѣнія⁴⁾. Наконецъ, и въ самомъ Клевани, около 1590, онъ воздвигъ первый

ków, 1899—1900, на основаніи одной фразы изъ приведеннаго письма („еже хочещи... и то умышленіе твое похвально“), которая служить только вступительнымъ комплиментомъ самой княгинѣ, а никакъ не іезуитамъ, и совершенно игнорируя все содержаніе письма (какъ—„не науча“ и пр.), категорически записываетъ и кн. Курбскаго въ число сторонниковъ іезуитскихъ школъ (стр. 23). „Объективность“, требованіе которой А. Яблоновскій прежде всего предъявляетъ русскимъ историкамъ (стр. 9 и 11), необязательна, повидимому, для польскихъ ..

¹⁾ Stecki „Obr. i pam.“ стр. 201. Объ іезуитскихъ школахъ того времени и практиковавшихся въ нихъ пріемахъ совращенія русскихъ дѣтей въ католичество—см. „Отеч. Зап.“ 1862 г. П. Некарскаго—„Представ. Кіев. учен. въ пол. XVII ст.“.

²⁾ Argenti „De rebus Soc Iesu in regno Pol.“, edit. 1620, стр. 44—45.

³⁾ Nies. t. III, стр. 230.

⁴⁾ Арх. Ю. З. Р. ч. 1, т. VI, стр. 149.

католическій костелъ въ честь своего патрона (Юрія ¹⁾. Спусти яѣсколько лѣтъ—клеванскій костелъ получилъ отъ своего ктигора эрекцію на довольно обширныя имѣнія, между ними с. Новый Ставъ. Эрекціею постановлялось, чтобы плебанъ клеванскаго костела всегда держалъ при себѣ двухъ помощниковъ-викаріевъ, ректора школы, кантора и ключаря. Назначать ихъ имѣеть самъ князь и его наследники—до тѣхъ поръ однако, пока неуклонно будутъ держаться римско-католической религіи: но если бы таковыя оказались „отщепенцами“ или еретиками, въ такомъ случаѣ право назначенія переходитъ къ луцкому бискупу. Изъ той же эрекціи видно, что при костелѣ былъ особый домъ для школы и при ней помѣщеніе для учителя (bakalarza), подготавливавшего учениковъ и къ пѣнію въ костелѣ ²⁾.

Въ устроеніи клеванскаго костела принимала участіе и жена Юрія, Александра Вишневецкая, дочь волынскаго воеводы Андрея ³⁾.

Занятый насажденіемъ іезуитовъ, князь Юрій меньше всего, конечно, думалъ о православныхъ монастыряхъ, находившихся въ его имѣніяхъ. Клеванскій монастырь доживалъ послѣдніе дни, а Поресонницкій былъ въ запустѣніи...

¹⁾ Stecki „Obr. i pam.“ стр. 202.

²⁾ Эрекція, отъ 9 окт. 1598 г., за подписью: „Ego Georgius Dux Czartoryski in Klewań omnia haec supra scripta approbo, affirmo, attestor et manu propria subscribo“. Steski, ibid.

³⁾ Nies. t. III, str. 230. „We wszystkich interessach, сообщаетъ этотъ іезуитъ о кн. Юріѣ, ojcowskiej jego protekcyi doznac skutku zakon nasz... Dla tego też podobno, добавляетъ онъ, tak domowi jego w potomkach Bóg błogosławił, że gdy niektóre książęce familie w oczach naszych pogasły, ci na najpierwszych w ojczyźnie naszej honorach jaśnieją“. Мы уже видѣли, что католическая ревность отпадавшихъ отъ православія фамилій хотя и открывала дверь къ „honorom“ въ „ойчизнѣ“, но совсѣмъ не спасала ихъ отъ вымиранія...

Брата Юрія—Ивана въ то время уже не было въ живыхъ; а сестра его Катерина, бѣжавшая отъ мужа и, по его выраженію, „уживавшая прощочкомъ по Литвѣ и индѣй, гдѣ ся ей подобало“, менѣе всего конечно интересовалась религіозными дѣлами. Изъ матеріальныхъ расчетовъ купила она за 200 копѣй грошей литовскихъ Пересолницкое имѣніе у своего брата Юрія, къ которому оно перешло по праву наслѣдства. Ее не безпокоило то обстоятельство, что „с. Пересолница въ давнихъ часовъ продками на церковь монастыря Пересолницкаго надано“, хотя „певными записями варовано и въ рядѣ сознано не было“; не смущало и то, что въ монастырѣ Пересолницкомъ, волюй, такимъ образомъ, зависѣвшимъ отъ владѣльцевъ имѣнія, „порядокъ былъ усталъ, и фала Божая въ той церква святые Пречистое, про небытность старшаго игумена и братьи черицовъ, слушше и годне отправована быти не могла“. Мало, какъ уже было сказано, занимать этотъ упадокъ родной православной святыни и самого Юрія, занятаго іезуитами и ихъ благосостояніемъ, когда, по собственному его призванію, „до того было пришло, ижъ онъ тотъ монастырь и с. Пересолницу ея милости панѣ Василевой Загоровской, сестрѣ своей, у двухъ сотъ копѣхъ грошей литовскихъ заставилъ быть“. Вѣроятно, эти 200 копѣй грошей нужны были для о.о. іезуитовъ..

Но еще было въ семьѣ Чарторыйскихъ одно лицо, преданное „старожитной“ вѣрѣ, принимавшее близко къ сердцу упадокъ родной святыни. То была другая сестра Юрія—Елена „пани Остафіева Горностаева, воеводичовая Новгородская“. „За Божю помочю“ ей удалось добиться того, что супруги Чарторыйскіе, Юрій и Александра, „умысливши то (упадъ монастыря) и хотячи опять, водлугъ наданя продковъ своихъ на фалу Божую обернуты и одтуль вже некоторыхъ пожитковъ собѣ и потомкомъ своимъ не мѣти, позволили паней Оленѣ, княжнѣ Чорторыйской, тотъ монастырь и с. Пересолницу у ея милости пани Браслав-

ское окупиты. За которыми позволенемъ ее милость пани воеводичева в ее милости пани Браславское то окупити и пенен оддаты и въ держане того монастыря и с. Пересопницы увойты рачила. и маючи то въ держаню своемъ на фалу Божию, въ томъ монастыри Пересопницы обернуты, правомъ вѣчнымъ на братство надаты, уфундоваты и порядокъ добрый за Божю помощю постановыты умыслила. А мы вже, заявляють въ записи Юрій и Александра Чарторыйские, и съ потомками своими одъ сего часу права своего одчизнаго, дѣдизнаго, заставнаго и вщеникого иншого—зрекаемъ, зступаемъ¹⁾.

Свое благочестивое намѣреніе княгиня Елена, „распалывшися, по ея собственнымъ словамъ, ревностью и милостью ку Богу“, не замедлила привести въ исполненіе и закончить доброе дѣло. 12 сентября 1596 г. она предъявила въ градскія луцкія книги одновременно и вышеприведенную запись Юрія, въ которой она становилась полной и единственной владѣтельницей Пересопницкаго имѣнія, и свой фундушевый листъ отъ 1596 г. 10 мая, которымъ она уступала на вѣчныя времена и Пересопницкій монастырь и всѣ Пересопницкія имѣнія „на братство черницы, которые въ томъ монастыри, обычаемъ и способомъ житія общаго, въ набоженствѣ греческомъ жити мають“. Настоятелемъ монастыря она утверждала избраннаго всею братією нѣкогого „Семіона“ и высказывала желаніе, чтобы „въ томъ монастыри Пересопницы, въ церкви святое Пречистое, абы фала Вожая не уставала, быль хованъ порядокъ и способъ по законоположенію Великого Васнля и святыхъ богоносныхъ отецъ, на соборахъ утвержденный“, и чтобы между братією

¹⁾ Запись кн. Юрія Чарторыйскаго, данная сестрѣ его Еленѣ Горностаевой 1595 г., 5 декабря. Арх. Ю. З. Р. ч. 1, т. 1, стр. 472—478.

было „сердце и душа едина“ Въ этой дарственной записи, замѣчательной какъ по теплотѣ и искренности религіознаго чувства, такъ и по особой осторожности и предусмотрительности, какими руководилась княгиня, проникнутая желаніемъ предотвратить возможность перехода этого монастыря въ руки католиковъ,—она, однако, оставляетъ за своимъ братомъ Юріемъ и его потомками право утверждения игуменовъ, избираемыхъ братією; на что, по просьбѣ княгини, Юрій далъ согласіе и за себя и за своихъ потомковъ. Впрочемъ, предостерегаетъ она, должно послушать въ этомъ „съ таковымъ варункомъ и осторожностью: гды бы княжа, его милость панъ братъ мой, а по его милости потомки, яко не будучи сами вѣры греческое, нарушили запись и отказывались утвердить игумена достойнаго, набоженства и вѣры греческое, въ такомъ случаѣ игумень и брагья черницы, занежавши ознаймения и утверждения его милости и потомковъ его, должны кого-либо другого изъ шляхетскаго сословія, человека добраго и непремѣнно вѣры православнои, избрать себѣ въ опекуны и оборонцы кривдѣ“, на что также далъ свое согласіе кн Юрій. На нарушителей завѣщанія призывается обычная клятва ¹⁾. Но ни предусмотрительность завѣщательницы, ни ея клятва не спасли Пересопницкаго монастыря.

Княгиня Елена вскорѣ умерла и была похоронена въ томъ же Пересопницкомъ монастырѣ, рядомъ со своимъ мужемъ ²⁾. Уже въ концѣ 1600 г. по случаю передачи Пересопницкаго монастыря назначеннымъ Еленой игуменомъ Симеономъ Косовскимъ своему преемнику игумену Макарію Созанскому, инвентарь монастырскаго имущества со-

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. 1, т. I, стр. 490—499.

²⁾ При послѣдней передѣлкѣ Пересопницкой церкви былъ открытъ надгробный камень съ славянскою надписью: „Гелена Горностава велѣла сыну своему Александру погребить тѣло свое коло мѣжа“. Плита была перенесена подъ алтарную часть храма.

ставлялся безъ нея, за подписью Юрія и другихъ опекуновъ ¹⁾. Вскорѣ умеръ и кн. Юрій ¹⁾. Его сыновья и двѣ дочери остались подѣ опекою польскихъ пановъ и въ томъ числѣ своего родственника, извѣстнаго намъ кн. Януша Заславскаго, перваго въ своей фамиліи католика.

Старшій сынъ—Александръ въ 1618 г., подѣ именемъ Адріана, „вступилъ въ законъ св. Францішка обсервантовъ, тутъ въ королевствѣ польскомъ названныхъ Бернардиновъ“, и данною тогда же съ согласія своего опекуна грамотою записалъ своему брату Николаю все свои имѣнія ²⁾.

Николай Юрьевичъ Чарторыйскій, оставшійся полновластнымъ хозяиномъ „на Клевани“, своею набожною, по словамъ іезуита, хотѣлъ превзойти отца, такъ какъ, унаслѣдовавъ отъ него расположенность къ іезуитамъ, превзошелъ его въ томъ, что надѣлялъ ихъ и тогда, „когда они и не просили и ничего не рассчитывали“. Такимъ неож-

¹⁾ Арх. Ю. З. Р. ч. 1, т. VI, стр. 294—300.

²⁾ Нѣсецкій (т. III, стр. 230) и Стецкій („Obr. i pam.“ стр. 202) продолжаютъ жизнь кн. Юрія Ивановича далѣе 1616 года, а Бартошевичъ (Enc. powsz. t. VI, стр. 221) и за 1621 г. и указываютъ разныя дѣянія на пользу католицизма изъ этого времени жизни князя. Здѣсь несомнѣнно ошибка. Уже въ 1605 г., въ ноябрѣ, въ жалобѣ игумена Пересопницкаго монастыря на опекуна того же монастыря Н. Шпаковского и въ протестаціи этого послѣдняго о кн. Юріѣ Ивановичѣ, а равно и о Еленѣ Ивановнѣ неоднократно говорится, какъ о „зошлыхъ съ того свита—ее самое и княжати его милости Юря Чарторыскаго“. Арх. Ю. З. Р. ч. 1, т. VI, стр. 361 и 365. Можетъ быть то, что польскіе авторы говорятъ о Юріѣ Ивановичѣ, слѣдовало бы отнести къ сыну его Юрію-Николаю, или къ Юрію—„на Чарторыскѣ“.

³⁾ Петрушевичъ. „Сводн. гал-русска. лѣтоп.“ стр. 427. Нѣсецкій (т. III, стр. 230) и со словъ его Бартошевичъ (Enc. powsz. t. VI, стр. 221) ошибочно считаютъ два имени этого князя за имена двухъ братьевъ, хотя, впрочемъ, сознаются, что ничего о нихъ не знаютъ.

даннымъ подаркомъ для іезуитовъ была отдѣланная имъ записъ земель на луцкомъ предмѣстьи. Въ благодарность іезуитъ Пигловскій, по случаю столѣтняго юбилея своего ордена, составилъ въ честь князя „elogium“, гдѣ князь изображался совершенствомъ, исполненнымъ всѣхъ добродѣтелей, въѣнцомъ которыхъ было то, что онъ „societatis Jesu amantissimus“ ¹⁾.

Еще раньше этого іезуитъ Аргентусъ выставилъ предъ Сигизмундомъ III расположеніе въ то время юнаго еще князя Николая къ „братишкамъ“ и въ частности къ иль Луцкому коллегіуму, какъ одно изъ доказательствъ къ пользу ордена ²⁾.

Въ 1621 г., въ качествѣ депутата въ коронномъ судѣ, кн. Николай защищалъ „честь повивныхъ слугъ Божиихъ общества іезуитовъ“ противъ обвиненій тѣхъ, кто ни по рожденію, ни по воспитанію не питалъ къ этому ордену того „аффекту“, которымъ, по выраженію Нѣсецкаго, кн. Николай былъ напоенъ отъ рожденія, съ молокомъ матери ³⁾. Въ защиту іезуитовъ онъ писалъ и самому папѣ ⁴⁾. Неразлучный съ извѣстнымъ фанатикомъ Альбрехтомъ Радзивиломъ, подъ вліяніемъ и протекціей котораго онъ находился чуть ли не съ дѣтства, какъ сосѣдъ по имѣніямъ (Опыка и Клевани),—кн. Николай на сеймикахъ всегда выступалъ противникомъ „неунитовъ“ и горячимъ защитникомъ католиковъ ⁵⁾. Прославляемый іезуитами, онъ былъ на-

1) У Нѣсецкаго приводится начало самого *elogium'a* Nies. t. III, str. 230.

2) Argenti. „De rebus. soc. Jesu...“, str. 395. Вѣроятно, кн. Николай и воспитывался въ луцкомъ коллегіумѣ, ближайшемъ къ Клевани, гдѣ потомъ воспитывался и сынъ его Флоріанъ.

3) Nies. t. III, str. 228.

4) Ibid.

5) С. Голубевъ. „Матеріалы для ист. З. Р. Н.“ № LXXXI и LXXXIII.

граждаемъ Сигизмундомъ, отъ котораго получилъ каштелянію волынскую, потомъ воеводство подольское, а вскорѣ п волынское ¹⁾. Князь, однако, постоянно жилъ въ своемъ живописномъ клеванскомъ замкѣ. На богатые доходы, какъ съ имѣній, такъ и воеводствъ, онъ выстроилъ въ Клевани великолѣпный каменный костелъ, на мѣстѣ построеннаго отцомъ деревяннаго, и записью отъ 2 янв. 1630 г. почти

¹⁾ О значеніи этого мотива въ совращеніи западно-русскаго дворянства въ католицизмъ, особенно во времена Сигизмунда III, вотъ что писалъ папскій нунцій въ Польшѣ, современникъ князя Чарторыйскаго: „Я полагаю, что королю больше, чѣмъ кому-либо другому, мы обязаны этою спасительною переменою, я даже готовъ бы сказать, что только ему одному. То вѣрно, что безъ согласія сената и сословіи онъ не можетъ ни объявить войны, ни заключить мира, ни жениться и т. д. Но зато онъ раздаетъ всякія достоинства, свѣтскія и духовныя, всякіе уряды, бенефиціи... Въ его власти обогатить и осыпать благодѣянiями, кого ему захочется, и не допустить къ должностямъ тѣхъ, кто не заслужилъ его расположенія. А такъ какъ шляхта очень любитъ почести... и вообще личное благо интересуется насъ болѣе, чѣмъ общественное, то и шляхта больше заботится о мѣстѣ короля, чѣмъ король о расположеніи шляхты. Если бы поэтому какому-нибудь королю польскому пришло на мысль давать достоинства только духовнымъ, то, имѣя около 23 тысячъ урядовъ и бенефицій, развѣ не склонили бы онъ этимъ способомъ, безъ всякихъ убѣжденій, въ короткое время всей шляхты къ духовному званію?.. А теперешній Шведъ (Сигизмундъ)... не могъ бы быть лучшимъ католикомъ, хотя бы родился и былъ воспитанъ въ самомъ Римѣ... Онъ достигъ того, что тогда какъ при вступленіи его на тронъ было только три сенатора католика, теперь—только два или три еретика“... „Relacye nunc. apostol. o Polsce“ t. II, w Paryżu, 1864, стр. 119 (въ извлеченіи).

Исторія кн. Чарторыйскихъ служить прекрасною иллюстраціей этой политики.

удвоить его содержаніе ¹⁾ Православный монастырь Клеванскій былъ имъ закрытъ и отданъ іезуитамъ ²⁾.

Но и этого князю было мало. Въ томъ же 1680 г. онъ добылъ, конечно—безъ особаго труда, отъ своего коронованнаго патрона „привилей“, которымъ Сигизмундъ уничтожалъ, какъ „противную хвалѣ Божіей и волѣ предковъ“, продажу Пересопницкаго монастыря Еленѣ Горностаевой, а чрезъ нее православнымъ монахамъ, и возвращалъ этотъ монастырь съ имѣніями князю Чарторыйскому, и наконецъ, согласно желанію послѣдняго, позволить ему присоединить этотъ древній монастырь „до клеванской мансіонаріи“ съ тѣмъ условіемъ, чтобы на вѣчныя времена, въ первый день каждого мѣсяца, клеванскій костель возносилъ молитвы за него и его преемниковъ—королей польскихъ ³⁾.

Вникая въ эту печальную исторію, которою окончилось существованіе древнѣйшей православной святыни въ то именно время, когда она болѣе всего была нужна православнымъ, невольно припомнишь исторію гораздо болѣе древнюю, но по существу дѣла совершенно сходную,—извѣстную исторію виноградника Навуея... Роль Гезавели, обвинившей истиннаго поклонника Теговы въ богохульствѣ, выполнилъ Сигизмундъ, уничтожая записи въ пользу православныхъ, какъ „противныя хвалѣ Божіей“ ⁴⁾... Маленькая

¹⁾ Stecki, „Obr. i pam.“ str. 203. По стопамъ князя шла и его жена Изабелла, дочь послѣдняго православнаго князя Корецкаго—Іоакима, и выстроила въ клеванскомъ замкѣ католическую часовню. Какъ ближайшій родственникъ, кн. Николай Чарторыйскій состоялъ и опекуномъ надъ сиротами Іоакима (ibid. str. 206).

²⁾ „900-лѣт. правосл. на Вол.“ стр. 56.

³⁾ Stecki, „Obr. i pam.“ str. 203.

⁴⁾ Чтобы нѣсколько сгладить этотъ возмутительный фактъ, всею тяжестью падающій на ревнителей католицизма и особенно на Сигизмунда, Ю. Бартошевичъ (Enc. powsz. t. VI, str. 220),

только разница: въ данномъ случаѣ Павуеи, повидимому добровольно отказался отъ своего виноградника ¹⁾. И Ахавъ не посыпалъ пепломъ своей главы, прежде чѣмъ войти въ обладаніе чужою завѣтною собственностью.

Князь Николай, говоритъ польскій авторъ, выискивалъ всякіе предлоги для разныхъ „фестовъ“ и торжествъ, чтобы привлечь въ клеванскій костелъ побольше богомольцевъ, а для себя побольше почитателей. Наконецъ ему удалось въ 1642 г. черезъ сына своего Флоріана добыть изъ Рима реликвию св. Вонифатія. По этому случаю въ Клевани состоялся цѣлый рядъ торжествъ, сопровождавшихся громаднымъ стеченіемъ польской аристократіи и окрестнаго простонародья ²⁾. И кто сможетъ учесть, сколько простыхъ людей, лишенныхъ лица для своего религіознаго чувства въ нѣдрахъ гонимой православной церкви, было увлечено этимъ

вѣроятно на основаніи словъ Нѣсенкаго, что въ привилеѣ Сигизмунда находится „упоминаніе“ (wzmianka) о Еленѣ Горностаевой, говоритъ, что Елена Горностаева жила еще въ 1630 г., когда и позволила племяннику своему Николаю присоединить Пересопницю къ Клеванскому костелу; „должно быть, фантазируетъ онъ далѣе, что она была въ то время уже католичкою вслѣдъ за братомъ“. Мы уже знаемъ, что до 1630 года прошло болѣе четверти вѣка съ того времени, какъ сошла незапятнанною въ могилу эта ревнительница православія.

¹⁾ Еще въ 1620 г. князь Н. Чарторыйскому удалось добыть отъ архимандрита Пересопницкаго монастыря Никова Добрянскаго „отходный листъ“ съ удостовѣреніемъ, что онъ оставляетъ монастырь и передаетъ его князю по доброй волѣ и „nie z przymuszenia jakiego“. Арх. Ю. З. Р. ч. 1, т. VI, стр. 485—6. Трудно съ увѣренностью сказать, что кроется за этимъ „добровольнымъ“ отреченіемъ отъ собственныхъ правъ и даже отъ правъ собственно монастырскихъ въ явное нарушеніе воли ктиторши; но, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что одно изъ двухъ: или насиліе или подкупъ...

²⁾ Stecki „Obr. i pam.“ str. 203—4.

блескомъ католическаго богослуженія: сколько православныхъ дворянъ, понавшихъ въ эту аристократическую среду, дышавшую презрѣніемъ и насмѣлкой къ исповѣдникамъ „хлопской вѣры“, пошли на уступки съ своею совѣстью, успокоить которую такъ умѣли вездѣ вертѣвшіеся іезуиты... Вездѣ и всюду найдутся слабые люди, готовые идти за знатною голлою.. Но это тонкое насилие, эта неправда, какими жила польско-католическая пропаганда въ западно русскомъ краѣ, едва ли не болѣе возмущала нравственное чувство православнаго населенія, чѣмъ насилие открытое, оказываемое властью. Возникающіе среди исключительно православнаго населенія и на его средства богатые костелы и кляшторы, блестящія католическія процессіи и церемоніи, торжественныя богослуженія, безчисленные канцланы разныхъ орденовъ,—рядомъ съ опустѣвшими, разрушенными монастырями, запертými церквами, убогимъ, загнаннымъ духовенствомъ,—чѣмъ было это все, какъ не издѣвательствомъ надъ справедливостью, и чѣмъ могло отвѣчать на него православное населеніе, какъ не враждой—не на жизнь, а на смерть...¹⁾

¹⁾ „Не возможно выразить, писалъ еще въ 20-хъ годахъ XVII в. папскій нунцій де-Торресъ, насколько русскій людъ ненавидитъ латинниковъ. Ненависть его доходитъ до того, что, увидѣвъ латинскаго ксендза, они плюютъ на землю со злости и омерзевенія. Вотъ гдѣ причина, что мало „русиновъ“ переходитъ въ унию и что встрѣчаются большія трудности въ ихъ обращеніи, чѣмъ лютеранъ и кальвинистовъ.. Простой людъ, которому закрытъ доступъ къ урядамъ и староствамъ, не можетъ быть пойманъ на эту приманку, т. е., чтобы измѣной религіи заслужить королевскую милость. Нельзя также употребить противъ нихъ и насильственныхъ средствъ, потому что, кромѣ обѣщанной поды присягою королемъ свободы совѣсти, служить помѣхой и козаки,—народъ воинственный и смѣлый, стоящій за охрану религіи иногда съ просьбой, иногда съ угрозою, а всегда съ оружіемъ въ рукахъ. Что можетъ тогда нибудь выйти изъ этихъ угрозъ, не до-

Спусти нѣсколько лѣтъ послѣ указанныхъ нами торжествъ въ Клевани, еще при жизни самого Николая Чарторыйскаго, когда въ сознаніи народа назрѣла жажда мести, не избѣжалъ кары „оскверненный“ Клеванъ, — хотя и не воскресла Пересопница. Живописная мѣстность, застроенная домами католиковъ-пановъ и лачугами православныхъ „хлоповъ“, покрылась грудой пепла и развалинъ, и только какъ скелетъ безъ тѣла стоялъ среди разрушенія княжескій замокъ...

Но ополченные и окатоличенные магнаты не поняли этого урока. Они уже слишкомъ „окалѣчились“, чтобы подать руку примиренія своему меньшему брату, когда тому стало не подъ силу терпѣть братское же ярмо... Не понялъ этого и кн. Николай и его потомки—князья Чарторыйскіе. Уже сыновья его едва ли не превзошли отца въ католической ревности. По крайней мѣрѣ это несомнѣнно относительно старшаго его сына Флоріана, архіепископа Гнізненскаго, примаса Польши...

Было бы однако слишкомъ долго слѣдить далѣе прогрессивное развитіе католическихъ началъ въ исторіи этого, несомнѣнно даровитаго, княжескаго рода, игравшаго столь видную роль въ Рѣчи Посполитой на всемъ протяженіи XVII и XVIII в.в.—отмѣчать, какъ воспитаніе въ польскихъ іезуитскихъ коллегіумахъ довершалось въ іезуитскихъ же школахъ на западѣ и въ самомъ Римѣ; съ какою, все возрастающей непріязнью относились члены этой фамилии къ православію и русскому народу; какъ употребили они и мечъ и перо на защиту латинства; какъ, благодаря имъ, выросли на русской землѣ и даже въ Римѣ на рускія деньги все новые и новые католическіе центры... Это

мыслятъ развѣ тотъ, кто не знаетъ, что ихъ есть 60000, и кто не имѣетъ представленія о способахъ ихъ войны"... Relac. Nunc. apost., str. 155, 150.

постепенное затемнѣніе самосознанія можно прослѣдить и по тѣмъ историческимъ панегирикамъ, которые посвящены имъ въ польской литературѣ ¹⁾. Въ нашу задачу входило, главнымъ образомъ, отмѣтить первые этапные пункты этого движенія ²⁾...

П. Викторовскій.

¹⁾ См. у Нѣсецкаго, Слецкаго и особенно Бартошевича, который, начиная съ Флоріана Чарторыйскаго, далъ довольно полную исторію этой фамиліи.

²⁾ М. Клеванъ, находившееся въ непрерывномъ владѣніи кн. Чарторыйскихъ болѣе четырехъ вѣковъ, теперь принадлежитъ Удѣльному вѣдомству. Въ сохранившемся замкѣ кн. Чарторыйскихъ помѣщается клеванское духовное училище.